

Кукуша

Глаз пустыни

Кукуша Кукуша Глаз пустыни

<https://litres.ru/74098968>

SelfPub; 2026

Аннотация

Княгиня Авдотья Петербургская, гениальный картограф, бежавшая от света в пустыню, чтобы найти то, что не существует на картах. В 1914 году она нашла Глаз — идеальную геологическую структуру, которая оказалась ловушкой для времени. Она слышала его голос и унесла тайну с собой в могилу.

Но Глаз не отпускает тех, кто его понял.

Спустя век тайная организация «Корпус времени» извлекает её сознание из кремниевой матрицы. Авдотья оказывается в мире, где люди научились путешествовать сквозь время — ценой жизни Глаза. Мёртвое стекло. И только она, последняя, кто помнит его живым, способна на единственное, что может спасти вечность: забыть всё. Стереть собственную память. Вернуться в прошлое и не совершить ту самую ошибку. Потому что иногда, чтобы спасти мир, нужно отказаться от бессмертия.

«Мы — это пустыня, которая научилась помнить себя. Всё остальное — песок».

Роман о том, как время становится кольцом, а одиночество — главной валютой бессмертия. Для тех, кто готов слушать тишину.

Кукуша

Глаз пустыни

ПРОЛОГ. НЕБО НАД ГЛАЗОМ

1.

Они называют его по-разному.

Туареги, проводники из племени кель-уи, шепчут «Айн-эль-Сахра» — Глаз Пустыни, и отворачиваются, словно само это имя обжигает язык. Бедуины с востока, те, кто верит в джиннов и барзахи, говорят о «Структуре», как о двери, за которой нет ничего, кроме вечного молчания. Аравийские географы в каирских кофейнях, потягивая сладкий чай, называют её просто «Кольцом» — и пожимают плечами, признавая собственное бессилие перед тем, что не вписывается ни в одну из их карт.

Однако есть у этого места и другое имя, тайное, которое не произносят вслух. Имя, известное лишь тем, кто шёл через барзах, кто слышал, как тишина говорит на языке, который древнее любого человеческого наречия. Они называют её *Тишина, которая помнит*.

Ибо Глаз не просто смотрит в небо. Он помнит всё, что когда-либо на него смотрело.

Спутниковые снимки, которые в конце двадцатого века облетели все научные журналы мира, обнажили его очертания с убийственной ясностью. Идеальная окружность, трид-

цать восемь километров в поперечнике. Концентрические кольца — сине-белые, серые, охристые, красные, чёрные, — расходящиеся от тёмного центра, словно кто-то гигантский, терпеливый и бесконечно древний, бросил в пустыню камень, и волны этого броска застыли на четыреста миллионов лет.

Геологи, вооружённые самыми современными теориями, спорили и ломали копья. Эрозионный купол? Ударный кратер? Вулканическое вторжение? Каждая гипотеза рассыпалась в прах при первом же столкновении с неоспоримым фактом: здесь нет ни следов метеорита, ни признаков магматического очага, ни логики ветра и воды. Структура Ришат, или, как её официально называют на картах, *Гальб-ар-Ришат*, была просто... есть. Она существовала вопреки всему, что знала наука. Она отрицала порядок.

И в этом отрицании была скрыта главная загадка — её идеальная, математически выверенная форма. Такая форма могла возникнуть только в результате действия разума. Но чей разум мог существовать четыреста миллионов лет назад, когда Земля была населена лишь первыми отчаянными формами жизни, только-только выползавшими из первичного океана?

2.

Ответ, если его можно назвать ответом, лежал в самом центре структуры, там, где сходились все кольца. В чаше, на дне которой покоилось нечто, чему не было названия в че-

ловеческом языке.

Зелёное стекло.

Не стекло в привычном понимании — не продукт плавления песка, не результат высоких температур или давления. Это была субстанция, которая не имела аналогов в известной нам вселенной. Она состояла из кремния, легированного иридием и редкоземельными элементами в таких пропорциях, которые не могли возникнуть естественным путём. Приблизившись к ней, геофизики зафиксировали странный эффект: время вокруг образцов теряло однородность. Стрелки хронометров начинали плясать, датчики сходили с ума, а у людей, работавших на краю чаши, иногда возникало устойчивое ощущение, что они слышат чужой голос.

Голос шёл из-под земли. И он не был похож ни на что человеческое.

Это было не шепотом, не речью, не звуком. Это было знание, которое проникало в мозг не через уши, а через самую древнюю, самую глубинную его часть — ту, что управляет дыханием и биением сердца. Люди, коснувшиеся стекла, говорили о видениях, в которых концентрические кольца сплетались в спирали, уходящие в бесконечность, а в центре этих спиралей сияла точка, по размерам похожая на Вселенную.

Они говорили о времени, свёрнутом в кольцо.

Первые экспедиции, снаряжённые в конце двадцатого века, были осторожны. Учёные брали пробы, фотографировали, картографировали. Они писали отчёты, полные академи-

ческой сухости, и отправляли их в геологические общества, где те пылились на полках, не вызывая интереса. Через десятилетия, когда пришли новые технологии, кольцо снова привлекло внимание — но уже не геологов, а тех, кто называл себя хронологами.

Именно тогда структура Ришат обрела своё истинное лицо.

3.

Прошлое, как известно, не вечно. Оно хрупко и состоит из бесчисленных слоёв событий, каждое из которых является породой, на которой держится будущее. Учёные из секретного подразделения, созданного на руинах давно забытых организаций, обнаружили, что зелёное стекло способно не только хранить информацию, но и передавать её во времени.

Или, если быть точнее, *вдоль* времени.

Они поняли, что Глаз — это не просто геологическая формация. Это проводник. Резонатор. Устройство, созданное задолго до появления человека, чтобы служить мостом между эпохами. Кто его создал — этот вопрос оставался без ответа. Но ответ был и не нужен. Важна была функция.

В лабораториях, расположенных глубоко под землёй, на краю самого большого кольца, начались эксперименты. Они были дерзкими, дорогими и, как вскоре выяснилось, смертельно опасными. Каждый раз, когда учёные пытались отправить сигнал в прошлое, зелёное стекло тускнело. Чёрные прожилки расплзались по его поверхности, как вены пере-

сохшего старца. И с каждым таким импульсом кто-то из исследователей начинал слышать голос.

Голос, который умолял прекратить.

Однако человеческая жадность не знает границ. Возможность путешествовать во времени, или хотя бы передавать информацию сквозь века, была слишком заманчивой, чтобы от неё отказаться. Эксперименты продолжались. Голос становился тише. Стекло — всё более хрупким.

И однажды, в сентябре 2041 года, произошло то, что должно было случиться неизбежно.

Зелёное стекло погасло окончательно.

Оно не разбилось, не рассыпалось в прах. Оно просто перестало быть тем, чем было. Превратилось в обычную породу — тёмную, хрупкую, покрытую паутиной трещин. Вместе с ним исчез и голос. Исчезло ощущение времени, свёрнутого в кольцо. Вместо этого пришла пустота — зияющая, холодная, абсолютная.

Именно тогда, когда Глаз умер, на дне чаши нашли тело.

4.

Сначала его приняли за очередную жертву пустыни — кочевника, заблудившегося в песках, или безумца, решившего проверить легенду. Тело было завернуто в лохмотья, которые когда-то были дорожным плащом. Под плащом сохранился кожаный бурдюк, в котором не осталось ни капли воды, и маленький полевой журнал, страницы которого были исписаны каллиграфическим почерком.

Почерк был женским. Русским. Деятнадцатого века.

Экспертиза, проведенная в лаборатории, установила возраст тела: сто двадцать лет. Сто двадцать лет, проведенных на дне чаши, среди зеленого стекла. И при этом — ни единого признака разложения. Ни гниения, ни мумификации. Тело просто лежало, как спящий, сохранив все черты лица, все морщины, все седые пряди в волосах. Будто время обошло его стороной.

Она оказалась в центре самой большой загадки пустыни.

В журнале, пропитанном пылью и временем, было всего несколько записей. Первая датировалась 1914 годом. В ней говорилось о путешествии, о потерянных проводниках, о жажде и о видении, которое пришло во сне. Вторая запись была сделана через месяц — тем же почерком, но более топорливым, почти лихорадочным. В ней описывалась концентрическая структура, идеальные кольца и зеленое свечение в центре.

Третья запись была самой короткой и самой странной. Всего две строки:

«Глаз говорит со мной. Он помнит меня. Я знаю, что это безумие. Но безумие — единственная форма правды в этом месте».

И внизу, под текстом, приписка — мелким, почти нечитаемым почерком, выведенная, казалось, в полной темноте:

«Я должна была прийти. Я всегда должна была прийти сюда. Это место ждало меня дольше, чем существует че-

ловечество. Оно ждало кого-то, кто сможет помнить. Я думала, что это — случайность. Но я уже не верю в случайности».

5.

Когда исследователи извлекли тело из чаши, случилось нечто необъяснимое.

Из груди женщины, той, что лежала мёртвой более века, вырвался слабый, едва заметный вздох. Это не было дыханием жизни — это было эхом последнего выдоха, запертого в зелёном стекле и освобожденного только теперь. Вздох прокатился по дну чаши, коснулся стенок кратера и поднялся вверх, к звёздам.

И в этот момент Глаз — мёртвый, пустой, превратившийся в камень — снова засветился.

Слабым, тусклым, почти угасающим зелёным светом. Светом, который пульсировал в такт сердцу, которого уже не было.

Женщина в плаще открыла глаза.

Она смотрела на тех, кто стоял над ней, кто прибыл в пустыню через сто лет после её гибели. Взгляд её был ясным, холодным, абсолютно осознанным. В нём не было страха — только та же усталость, которая была написана на её лице, когда она делала последнюю запись в своём журнале.

Она пошевелила губами. Голос, сорванный веками молчания, был едва слышен:

— Где я?

Ей ответили:

— В Глазе Пустыни.

Она закрыла глаза и улыбнулась. Улыбка была горькой, как соль, и в ней проступало узнавание. Она вспоминала. Она всегда помнила, даже когда была мертва.

— Я вернулась, — сказала она. — Я обещала вернуться.

6.

Над структурой Ришат занималась заря.

Солнце, поднимаясь из-за внешнего кольца, заливало пустыню алым светом. Концентрические террасы окрашивались в цвета крови, охры и старого золота. В центре, в самой глубине чаши, лежала маленькая фигура в плаще. Вокруг неё, словно стражи, стояли люди в белых комбинезонах. Они смотрели на неё с трепетом, смешанным с недоверием.

Она медленно села. Провела рукой по волосам. Потом по лицу. Потом по плащу, который был на ней. Прикосновение к ткани, к древней пыли, к вечности — всё это было реально. Пустыня была реальна. Зелёный свет, исходящий от стекла, был реален.

Она открыла глаза и посмотрела на небо.

— Я помню, — сказала она. — Всё. От первого до последнего мгновения. Сто лет — это не сон. Это разговор. С кем-то, кто старше камней. Кто видел, как рождалась Земля. И кто ждал меня, чтобы рассказать правду.

Она встала. Ноги дрожали, но она не упала. Она пошла по стеклу, оставляя следы — не на поверхности, а в самой

его глубине. С каждым шагом зелёные прожилки разгорались ярче, словно просыпались от тысячелетнего сна. Или от смерти.

Она обернулась к людям в белых комбинезонах.

— Вы хотели знать, что такое Глаз? — спросила она. — Я скажу вам. Это место, где время становится кольцом. Где прошлое, настоящее и будущее сворачиваются друг в друга, как слои породы. Где сознание может жить после смерти тела. Где тишина говорит громче любого крика. Вы пришли сюда, чтобы путешествовать во времени? Вы ошиблись. Время нельзя путешествовать. Время можно только помнить. И это — единственное, что имеет значение.

Она подошла к краю чаши и остановилась. Внизу, в глубине, проступала та самая чёрная воронка, которая образовалась после того, как стекло погасло. Теперь она больше не была чёрной. Она светилась — тем же ровным, спокойным зелёным светом, который исходил от неё самой.

— Вы боитесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Я знаю. Пустыня всегда внушает страх. Но страх — это всего лишь ключ. Ключ, который открывает дверь в понимание. Пойдёмте со мной. Я покажу вам Глаз. Не тот, который вы видели на спутниковых снимках. Настоящий. Тот, который видит в ответ.

Она шагнула вперёд — туда, где кончался камень и началось нечто другое. В воздухе, над центром чаши, возникла рябь. Пространство исказилось, как поверхность воды от

брошенного камня. И в этом искажении проступили очертания колец — не геологических, а временных. Концентрические круги событий, которые свернулись в спираль, чтобы раскрутиться снова.

Она шагнула в кольцо.

И мир вокруг неё исчез.

7.

Осталась только тишина.

Та самая, которую называют «тишиной, которая помнит». Она была всюду — в песке, в воздухе, в самом времени. И в этой тишине звучал голос. Тот самый, который слышали все, кто касался зелёного стекла. Голос, который был не голосом, а знанием, проникающим прямо в мозг.

«Ты вернулась, дочь песков», — сказал Глаз.

— Я вернулась, — ответила она. — Ты звал меня.

«Я звал тебя каждый день. Каждый год. Каждый миг, который я прожил после того, как ты ушла. Я ждал тебя, потому что ты — единственная, кто понял. Кто услышал. Кто не испугался».

— А теперь?

«Теперь начнётся новая история. Та, которая будет написана не на бумаге. На песке. На времени. Ты станешь моим голосом, дочь песков. Моими глазами, которые смотрят в мир людей. Ты будешь говорить от моего имени. Ты будешь помнить за всех. Ты будешь той, кто хранит кольца».

Она кивнула. В этом жесте не было колебаний. Только

принятие того, что длилось для неё уже целую вечность.

— Я готова.

И Глаз заговорил снова. Теперь громче. Яснее. Так, что каждая его фраза отдавалась в её теле, как удар колокола.

«Тогда слушай, дочь песков. Слушай, и запоминай. Я расскажу тебе всё, что знаю. Всё, что помню. Я расскажу, как рождались миры и как умирали цивилизации. Я расскажу, как время стало кольцом. Я расскажу о тех, кто был до нас. И о тех, кто придёт после. Я расскажу тебе правду, которую ты не найдёшь ни в одной книге. Правду, которую никто не сможет отрицать».

Она села на песок, скрестив ноги. Руки положила на колени. Закрыла глаза, чтобы лучше слышать.

— Я слушаю.

И Глаз начал свой рассказ.

Это был рассказ о том, как мир обрёл форму. О том, как бесформенная магма, остывая, создала кольца, которые были не просто породой — они были мыслью, застывшей в материи. О том, как кремний, из которого состоит всё живое, научился помнить. О том, как время, которое обычно течёт только вперёд, в этом месте пошло по кругу, замкнувшись само на себя.

Он рассказывал о тех, кто создал Глаз. Существах, которые не были людьми. Они были не из плоти и крови — они были из чистого знания. Они пришли из другой вселенной, из другого времени, чтобы оставить здесь, в сердце будущей

пустыни, свой след. Они ушли, но оставили после себя Глаз. Чтобы он ждал тех, кто сможет понять. Тех, кто сможет помнить.

— Почему я? — спросила она.

Глаз ответил:

«Потому что ты — первая, кто пришла не за славой. Не за золотом. Не за знаниями. Ты пришла за тишиной. И в этой тишине ты услышала мой голос. Это и есть ключ. Не разум. Не сила воли. А готовность слушать, когда вокруг тишина».

Она открыла глаза.

Вокруг неё больше не было пустыни. Не было песка, не было камней, не было колец. Вокруг неё была бесконечность — чёрная, усыпанная звёздами, от которой захватывало дух. Она парила в этом пространстве, как пылинка в свете далёкого солнца.

— А теперь? — спросила она.

Глаз ответил ей улыбкой. Не звуком — ощущением. Улыбкой, которая разлилась внутри неё, как тёплая волна.

«А теперь — всё только начинается. Ты — моё новое кольцо, дочь песков. Самое тонкое. Самое внутреннее. То, которое связывает меня с миром живых. Иди. Расскажи им. Пусть они знают, что пустыня не молчит. Она просто ждёт, когда кто-то научится её слышать».

8.

Она открыла глаза снова.

Она лежала на песке, на краю чаши. Люди в белых комбинезонах стояли вокруг, держа в руках приборы, направленные на неё. Их лица были напряжены, испуганы, озадачены.

— Вы вернулись, — сказал кто-то. — Вы исчезли на десять минут. А для вас?

Она медленно села. Тело слушалось с трудом. Но в ней, в самом её нутре, горела искра. Зелёная, пульсирующая, живая. Искра Глаза, которая теперь стала её сердцем.

— Для меня прошла вечность, — ответила она. — И ни одного мгновения.

Она поднялась на ноги. Она чувствовала, как её тело наливается силой, которой не было раньше. Как каждая клетка теперь знала своё место. Как каждая мысль была ясной, как зелёное стекло.

— Что теперь? — спросил кто-то ещё.

Она повернулась к центру чаши. Там, где была чёрная воронка, снова сиял свет. Зелёный, мягкий, обволакивающий. Свет, который не убивал, а дарил.

— Теперь мы будем помнить, — сказала она. — Все вместе. Каждый из нас. Мы станем частью Глаза. Не физически — духовно. Мы будем хранить его знание. Мы будем говорить с ним. Мы будем слышать его голос. И мы передадим это знание тем, кто придёт после нас. Через века. Через тысячелетия. До тех пор, пока на Земле останется хотя бы один человек, способный слушать.

Она взглянула на небо. Солнце стояло высоко, заливая пу-

стынию светом. Она не видела этого света сто двадцать лет. И теперь он казался ей новым. Иным. Пропущенным через зелёное стекло.

— Я знаю, как это сделать, — сказала она. — Я знаю, как сберечь Глаз. Я знаю, как превратить его в то, чем он всегда должен был быть.

— Чем?

Она улыбнулась той самой улыбкой — горькой, как соль, и всезнающей, как сама пустыня.

— Зеркалом. Зеркалом, в котором время отражается бесконечно. Где каждый из нас видит себя не в прошлом или будущем, а в вечности. Мы станем кольцами, которые никогда не разорвутся.

9.

Она повернулась и пошла к центру чаши.

Люди не останавливали её. Они знали, что это — её путь. Только её. Никто не мог пройти по стеклу так, как она. Никто не мог прикоснуться к Глазу и не сойти с ума. Она была единственной, кому это было дано.

Когда она подошла к краю зелёного свечения, она остановилась.

— Ещё один вопрос, — сказала она. — Последний.

Глаз откликнулся немедленно. Его голос звучал в её голове, но она знала, что его слышат и другие.

«Спрашивай».

— Кто ты на самом деле? Я знаю, что ты не просто место.

Ты знаешь всё. Ты помнишь всё. Но кто ты?

Глаз молчал долго. Так долго, что Авдотья уже начала думать, что он не ответит.

Но потом он произнёс слова, которые прозвучали не в её голове, а в самой пустыне. В каждом камне, в каждой песчинке, в каждой молекуле воздуха.

«Я — это то, что останется, когда люди уйдут. Когда последний человек закроет глаза и вдохнёт последний раз, я всё ещё буду здесь. Я не добрый и не злой. Я просто — память. Память, которая отказалась умирать. Я — это кольцо, которое люди называют временем. И я смотрю на вас... всегда. Даже когда вы не смотрите в ответ».

Она кивнула.

— Тогда начнём.

Она шагнула в зелёный свет.

И мир перестал существовать.

10.

Они нашли её через три дня. Мёртвой, но улыбающейся. На её лице не было боли — было спокойствие. Такое, какое бывает у тех, кто знает, что исполнил своё предназначение.

На груди у неё лежал полевой журнал, открытый на последней странице. Там было написано всего несколько строк:

«Я стала тем, кого звала пустыня. Я стала кольцом. И теперь я смотрю на мир из вечности. Передайте моим детям, если они когда-нибудь спросят: я ушла, чтобы слушать тишину. И эта тишина была громче любого слова».

Внизу, под подписью, было нарисовано идеальное кольцо. Концентрическое. Бесконечное.

А на дне чаши, там, где когда-то лежало зелёное стекло, теперь сияла новая структура. Маленькая, аккуратная, словно вырезанная из времени.

Она светилась.

И в этом свечении проступали очертания женщины, которая когда-то была человеком, но теперь стала частью вечности. Она стояла в центре кольца и смотрела на небо. Смотрела, и ждала. Знала, что когда-нибудь кто-то ещё придёт.

И тогда она заговорит с ним снова.

А пока — над структурой Ришат, над пустыней, над всей Землёй стояла та самая тишина, которую называют «тишиной, которая помнит». Она была везде. Она была нигде. Она была началом и концом всего.

Пустыня молчала.

Но Глаз — Глаз смотрел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГЛАЗ

Глава первая. Глаз, открытый в небо

1.

Пустыня не терпит одиночек. Это аксиома, высеченная на невидимых скрижалях, которые ветер переписывает каждую секунду.

Однако в апреле 1914 года, когда европейские державы уже точили ножи друг о друга, а песок Сахары нагрелся до температуры, при которой человеческий глаз начинает ви-

деть миражи как единственную реальность, по каменистому плато Адрар-Ифогас двигалась маленькая фигура.

Авдотья Петербургская, княгиня, археолог, картограф Его Императорского Величества и, как шептались в петербургских гостиных, «сумасшедшая баба», шла пешком.

Верблюд, ее последний верблюд по кличке Хан, пал за два дня до этого. Проводники — трое туарегов из племени кельуи — развернулись и ушли ночью, забрав воду. Они оставили ей маленький бурдюк, почти пустой, и взгляд, полный не то уважения, не то ужаса.

— Госпожа, — сказал старший, Ахмед, перед тем как раствориться в темноте. — Дальше — страна *Барзах*. Место между живыми и мертвыми. Там нет дорог. Там нет ветра. Там даже Аллах не слышит молитв.

Авдотья не ответила. Она сидела на корточках, зашивая подошву ботинка грубой ниткой, выдернутой из собственного плаща. Плащ был когда-то черным, петербургским, с горностаевым воротником, который она отпоролла еще в Триполи. Теперь плащ выцвел до цвета старой кости.

Она подняла глаза. Проводники исчезли, словно их и не было.

— Что ж, — сказала она вслух, и голос ее прозвучал глухо в сухом, как порох, воздухе. — *Барзах* так *Барзах*.

Она проверила компас. Стрелка плясала, как бесноватая, ни на секунду не замирая на севере.

Она проверила хронометр — подарок самого Менделеева.

Стрелки замерли на десяти двадцати трех. Утра это было или вечера — Авдотья уже не помнила.

Пустыня стерла время.

2.

В Петербурге, за тысячу верст отсюда, в мраморном зале Географического общества, ее называли «не коронованной королевой Ирака». Профессора срывали голос в спорах о ее методах. Генералы из разведки, с которыми она работала после путешествия по Нефуду, подписывали докладные записки, где слово «женщина» соседствовало со словом «гений».

Но никто — никто из них — не знал, как выглядит пустыня, когда она решает тебя убить.

А сейчас она убивала Авдотью медленно, с аристократической жестокостью.

Кожа на губах потрескалась до крови. Язык распух и едва помещался во рту. На спине — под плащом, под рубашкой, под корсетом, который она так и не научилась снимать в пути — висела запекшаяся корка соли, выступившей вместе с потом, который уже не выделялся. Организм экономил воду, закрывая системы одну за другой.

Авдотья шла.

Она шла, потому что у нее была цель. Не просто выжить. Не просто дойти до оазиса Уадан. А найти то, что она видела...

Что она видела?

Здесь начиналась тайна, которую историки пустыни будут

разгадывать еще сто лет.

3.

Сон пришел к ней за четыре дня до того, как пал верблюд.

Это был не сон в привычном понимании. Не черед размытых образов, не игра подсознания. Это было *видение* — столь же четкое, столь же реальное, как песок под ногами, как боль в натертых пятках.

Ей приснилось, что она парит.

Не летит — парит, как пылинка в неподвижном воздухе. Земля внизу разворачивалась, как карта, которую чертил безумец: коричневые прожилки сухих рек, белые пятна соляных болот, бесконечная рябь дюн.

И вдруг — это увидела не она, а кто-то, кто смотрел ее глазами.

Гигантская печать.

Круг, вписанный в пустыню. Концентрические кольца, расходящиеся от центра — словно кто-то огромный, кто-то древний, кто-то, кто жил задолго до появления людей, бросил камень в застывший океан времени. И волны замерли.

Глаз.

Глаз, который смотрел вверх.

— *Смотри*, — сказал голос. У голоса не было тембра, не было пола, не было возраста. Он звучал прямо в позвоночнике, в спинном мозгу, минуя уши, минуя сознание. — *Смотри, дочь песков. Там, где земля раскрывается звездам, ты найдешь воду, которой не бывает. Ты найдешь разговор, ко-*

торого не ждала. И ты умрешь, но не здесь.

Авдотья проснулась с криком.

Проводники сидели вокруг костра, сжимая ножи. Верблюды храпели и били копытами.

— Госпожа, — сказал Ахмед. — Тебе снился *джинн*?

— Нет, — ответила она, вытирая холодный пот. Пот был — организм снова заработал, испуганный тем, что случилось с хозяйкой. — Мне снилась геология.

Ахмед перекрестился по-своему — большим пальцем провел по горлу, отгоняя зло.

— Есть в этой пустыне место, — сказал он, глядя в огонь. — Старики говорят: *Айн-эль-Сахра*. Глаз Пустыни. Не добраться туда ни на верблюде, ни на ногах. Потому что, когда подходишь близко, начинаешь слышать голос. И голос этот — не Аллаха. И не Иблиса. Это голос самой земли. И он задает вопросы, на которые нет ответов.

Авдотья записала это в свой полевой журнал. Свинцовый карандаш крошился от сухости, но буквы ложились ровно, по-петербургски каллиграфично.

«Айн-эль-Сахра. Возможное эрозионное кольцевое образование. Требуется проверки. Если окажется реальным объектом — опровергнет текущие модели геоморфологии Сахары.»

Она не написала о голосе. Она не писала о голосах никогда.

Теперь, спустя четыре дня, она стояла на краю огромной котловины.

Компас вращался как бешеный. Хронометр показывал десять двадцать три вот уже, который час — стрелки не двигались, словно время здесь, в этом месте, перестало быть величиной с одним измерением.

Авдотья подняла голову.

Небо было цвета расплавленного металла. Солнце стояло в зените, но его лучи падали как-то неправильно — не сверху, а отовсюду сразу, словно сама земля светилась изнутри.

Она сделала шаг. Еще один.

Песок под ногами изменил структуру. Он стал похож на спекшийся шлак — твердый, ноздреватый, черный в глубине и белый на поверхности.

Она шла долго. Или недолго. Время утратило смысл. Она шла, пока ботинки не стерлись в клочья, пока ступни не превратились в сплошную рану, обмотанную тряпками.

И тогда она увидела.

Не сразу. Сначала ей показалось, что у нее началась терминальная стадия теплового удара. Потом — что мир сходит с ума.

Она стояла на одном из колец.

Перед ней, уходя вниз, в провал, в чашу, в *глазницу*, спускались террасы — идеально ровные, словно вырезанные гигантским циркулем. Кольцо за кольцом. Каждое — другого цвета: белое, серое, охристое, красное, черное. Словно кто-

то — или что-то — веками укладывало слои породы, следуя математически выверенному чертежу.

В центре этой воронки не было дна. Там была тьма. Не тень — тьма, которая светилась.

Авдотья опустилась на колени.

Она, крестившаяся по православному обряду каждое утро, вдруг ощутила себя настолько маленькой, настолько ничтожной перед этим зрелищем, что губы сами зашевелились, творя не молитву, не проклятие, а что-то третье — древний, нечеловеческий звук, который, как она поняла с ужасом, она не контролирует.

Этот звук шел откуда-то из-под диафрагмы. Из-под всех слоев ее личности — княгини, ученого, женщины, одиночки.

И тогда Глаз Пустыни заговорил.

5.

Сначала Авдотья подумала, что это галлюцинация. Она много читала о феномене «пустынного шепота» — когда мозг, лишенный сенсорных стимулов, начинает сам генерировать звуки.

Но этот звук не был шепотом.

Это было *знание*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.